

НАРОДНЫЙ АРТИСТ

ГЛАВЫ ИЗ НОВОЙ КНИГИ «В ПОТОКЕ ЖИЗНИ»

В один из теплых майских дней 1935 года у Чернавского моста удил рыбу высокий, хорошо сложенный молодой человек с успешным загорелым красивым мужественным лицом, открытым взглядом и копной пышных темных волос. Он с такой непосредственностью весь отдавался любимому занятию, что проходившие мимо воронежцы обращали на него внимание и невольно улыбались.

Я хорошо знал молодого рыбака. Это был приехавший к нам около года назад и вступивший в труппу Воронежского Молодого театра актер Сергей Иванович Папов.

Я подошел поближе, спросил:

— Как клев, Сережа?

Не отрывая глаз от мелко дрожавших на воде поплавок, он отозвался:

— Мелочь идет, а крупная не берет... Наживу обкусывают, шельмы...

— А, может быть, крупной-то и нет?

— Как нет?! Вчера двух голвей, чуть не по килограмму каждый вытащил...

Зная о склонности охотников и рыбаков несколько преувеличивать свои трофеи, я спорить не стал и перевел разговор на другое:

— Ты что же, каждый день на рыбалке?

— Когда репетиций в театре нет. Стало быть, не так уж часто, — со вздохом сожаления произнес Сергей Иванович.

Сергей родился и вырос в рабочей семье в Кинешме. Детство прошло на Волге. Когда началась империалистическая война, ему исполнилось десять лет. Он окончил церковноприходскую школу и рано начал работать. Был рабочим на мельнице, грузчиком, откатчиком бревен на Волге, и чем только еще не приходилось ему заниматься.

После Октябрьской революции, когда всюду, словно грибы после дождя, возникали самодеятельные драматические кружки, Сергей, работая электромонтером, знакомится с драмкружковцами ткацкой фабрики «Ветка», и вскоре здесь заговорили о незаурядном сценическом даровании молодого артиста.

Папов поступает в театральную студию Ивановского proletкульт. Позднее становится актером Ивановского рабочего театра. Так начинается для него долгий и нелегкий путь непрерывного совершенствования профессионального мастера.

В Иваново и в Ярославле он играет несколько сезонов, а затем приезжает в Воронеж, где дружный коллектив Молодого театра принимает его тепло и радушно. На сцене этого театра и развернулся в полной мере талант Сергея Папова.

Большинство актеров состояло из молодежи, только что окончившей театральные школы и не имевшей сценического опыта.

Папов был несколько старше, обладал уже известной профессиональной культурой, а первые спектакли, в которых он участвовал, выявили его как актера самобытного, с большим сценическим темпераментом, превосходными внешними данными, неприужденно, по-своему искренне и свежо исполнявшего все роли.

Одновременно с ним на сцене Молодого театра появилась молодая обаятельная и талантливая артистка Вера Георгиевна Рощина.

Я помню многие спектакли, главные роли в которых исполняли Папов и Рощина. Какая удивительная была эта пара, какое удовольствие доставляло смотреть на них! Сила и мужество, а иногда грубоватая простота, сквозившие порой в игре актера, как-то незаметно облагораживались необыкновенно женственным и нежным изяществом его партнерши.

Вспоминается мне «Бесприданница». Самоуверенный, красивый, циничный и разгульный барин Паратов (Папов) год назад встретился с бесприданницей Ларисой (Рощиной). Он увлекает ее, отбивает всех женихов, а затем, неожиданно порвав с ней, уезжает из города, оставив успешную полюбить его бедную девушку в страшном отчаянии. И теперь, возвратившись обратно, Паратов узнает, что просватанная за чиновника Карандышева Лариса продолжает любить его.

— Так вы не забыли меня, вы еще... меня любите? — спрашивает взволнованный Паратов. — Ну, скажите, будьте откровенны!

— Конечно, да! Нечего и спрашивать.

Произнося такую, казалось бы, обычную фразу, Рощина вся преображается. Она знает, что красавцу барину нельзя верить, но чувства заглушают доводы рассудка. Затаенная надежда на счастье оживляет лицо, затуманенные слезами глаза полны нежности. Незабываемые сцены! Жизненная правдивость образов и мастерство исполнителей создали долгий заслуженный успех спектакля.

А печальная история двух влюбленных — Ромео и Джульетты! Прошли годы, стерлись в памяти многие образы, потускнели краски, но Папов и Рощина словно встают передо мной, молодые, счастливые!

Помнится, как после спектакля, расходясь по домам, зрители утверждали, что артисты, игравшие Ромео и Джульетту, вероятно, впрямь любят друг друга, иначе они не могли бы с такой изумительной непосредственностью и достоверностью воплотить эти образы.

— А у нас с Верушей так и

получилось, — улыбаясь, сказал Сергей Иванович, прослушав спустя тридцать лет последние строки моего очерка. — Мы вскоре после этого спектакля и поженились.

— Да! Пронесли эти годы как-то очень уж незаметно, — вздохнула Вера Георгиевна, — словно волшебный сон...

— И мы постарели, и ты не помолодела, — добавил Сергей Иванович и с философской мудростью заключил: — Ничего не поделаешь, все идет своим чередом. Жизни!

В 1938 году, продолжая увлекаться драматургией, я написал комедию «День рождения». Она не обладала особыми достоинствами, многое в ней было далеко от совершенства. Но актерам Молодого театра, для которых она и писалась, пришлось по душе. Театр принял комедию к постановке, которая была поручена Сергею Папову.

Прочитав ее, он сказал:

— Мне думается, пьесу надо начинать не сценой в доме, а сценой приезда молодых артистов в дом Столетова на улице...

Эта мысль меня заинтересовала. Я быстро дописал небольшую сценку.

Была весна. Репетиции проходили легко и весело. Папов оригинально, с хорошей режиссерской выдумкой и тактом ставил пьесу. Успех комедии был несомненный, только в летнем сезоне она прошла свыше пятидесяти раз...

В 1940 году Молодой театр закрыли. Папов и Рощина остались в Воронеже, который успели полюбить. Они перешли в областной драматический театр.

На сцене этого театра Папов выступал во многих спектаклях. Особенно близка оказалась ему драматургия Максима Горького. «Дачники», «Васса Железнова», «Егор Булычев»... Папов учился в этих пьесах познавать жизнь в ее глубинном течении, определяющем человеческие характеры и поступки, продолжая беспрерывно шлифовать свое актерское мастерство.

В современных советских пьесах Папов создает целую галерею разнохарактерных, всегда великолепно вылепленных образов, свидетельствующих о постоянной углубленной работе актера над собой и о способности его к перевоплощению. Вспомним Кошкина в пьесе «Любовь Яровая», Годуна в «Разломе», Лукомина в «Парне из нашего города».

Воронежский театр не раз показывал спектакли в Москве, столичная пресса неизменно отмечала игру талантливого актера. А весной 1950 года Папову пришла телеграмма: «Предлагаем главную роль в цветном художественном фильме «Прже-

вальский». Телеграфируйте возможность приезда Москву, Юткевич».

Папов едет в Москву. Читает книги. Пржевальского, знакомится с документами и материалами о его деятельности. Сергей Иосифович Юткевич, режиссер «Мосфильма», вручил ему сценарий, объяснил свое понимание образа Пржевальского. Героическая жизнь русского путешественника все более захватывает и увлекает Папова.

В сценарии была такая сценка. На одном из заседаний Географического общества Пржевальский резко выступает против высокопоставленных царских чиновников:

— Я человек простой, ученых интриг не разумею, скажу прямо: исследование Центральной Азии для меня — дело жизни. И ни вам, ни вашим друзьям не удастся этому помешать.

Слова эти услышал великий князь, приехавший на собрание общества. Он подходит к Пржевальскому, цедит сквозь зубы:

— Говорят, ты объявил себя сторонником Дарвина? Пристало ли полковнику императорской армии?

— Если этот мундир, ваше высочество, мешает служить науке, я готов снять его!

— Прощая сию дерзость, потому что ты Пржевальский, — говорит князь и, обратившись к присутствующим, продолжает: — Нет, господа, теперь нужны экспедиции карательные, а не научные. Да-с, карательные!

А Пржевальский говорит своему помощнику Робертовскому, которому кажется, что после такого княжеского замечания наступит конец всем надеждам:

— Нет-с, я намерен твердить всюду и везде, что для славы России надобны экспедиции научные. Да-с, научные. И я добьюсь! Не в первый раз приходится лбом стены прошибать.

Сценка эта, особенно ярко выявившая силу воли и непреклонность великого русского пу-

тешественника, была хорошо понята и очень точно интерпретирована Паповым.

Съемки фильма шли под Ленинградом и в Москве, затем киноэкспедиция по следам Пржевальского отправилась в Киргизию. Работать приходилось в трудных условиях. Изнуряющая жара в пустыне сменялась резкими ветрами и холодом в горах. В лагерной обстановке Папов ежедневно открывал для себя все новые черты характера Пржевальского: стойкость, упорство в преодолении трудностей, теплое, дружеское отношение к окружающим его людям. Побывала киноэкспедиция и в Китае, и в Северном Казахстане, и у берегов Тихого океана на Дальнем Востоке. Многие открылось тогда Сергею Ивановичу.

Фильм вышел на экраны в 1951 году, а в следующем Папову было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР.

Год спустя известные кинорежиссеры братья Васильевы поставили давно задуманный фильм «Герои Шипки». Роль генерала Гурко была поручена Папову. Фильм снимался в Болгарии. А позднее Сергей Иванович играет и в других кинофильмах: «Лавина с гор», «Метель» по А. С. Пушкину, «Щит и меч» и других.

В 1962 году Папов получает звание народного артиста СССР. Осень. Пасмурный теплый день. Медленно плывут по небу тяжелые облака. Тихо падает пожелтевшая листва в садике при доме, где живет Сергей Иванович. Последнее время он тяжело болеет. Однако душевной

бодрости не теряет, по-прежнему оживлен, и голос звучен, и зоркие светлые глаза смотрят весело, с легким прищуром.

Мы сидим на скамейке. Вспоминаем далекое и близкое.

Вера Георгиевна с нами, все такая же милая и чуть-чуть грустная.

— Скажи, пожалуйста, — говорю я Папову, — какой же образ современника для тебя дороже всех?

Сергей Иванович на минуту задумывается.

— На этот вопрос не так легко мне ответить. Пьес переиграл я много, репертуар обширный, — медленно произносит он. — Хотя, конечно, у каждого актера есть роли, оставляющие особый радостный след в душе... Пожалуй, в последних пьесах наиболее привлекательным для меня был образ Ивана Будаңцев в одноименной пьесе сибирского драматурга Лаврентьева. Пьеса не ахти каная, но мне сразу как-то очень близким оказался мужественный, непреклонный коммунист Иван Будаңцев, страстный и требовательный в своих отношениях с людьми.

— На тебя самого Иван Будаңцев похож. Такой же упрямый и беспокойный, — улыбается Вера Георгиевна.

— Ну, хорошо, — спрашиваю я, — а в классическом репертуаре какой образ тебя особенно взволновал?

— Шекспировский бессмертный Ромео, — не задумываясь отвечает Папов. — Тут, правда, многое связано с личными переживаниями, сам понимаешь... Но из песни слова не выкинешь!

И он бросил взгляд, полный душевной теплоты и самой нежной признательности, на Веру Георгиевну. А я подумал о том, как это прекрасно бывает видеть, что время не властвует порой над нашими чувствами.

КОММУНА

5 ЯНВ 1969

MX